

Н.К. Рерих.

Очерк Кузмина.

Н. К. Рерих - явление единственное в русском искусстве. Едва ли повторимое, так как для него требуется стечеие обстоятельств, невозможных для преднамеренного соединения и сочетание элементов часто противоречивых. Русский художник иностранного происхождения, влюбленный в языческую Русь, как может быть влюблен только "чужой, не свой", собирающий весь блеск, все мелочи, мимо которых домашний человек прошел бы равнодушно, историк с известной тенденцией, выражающий ее чисто декоративным образом, мастеръ, вкушивший самых последних отрав запада для воспроизведения первобытных настроений и красот, русский, воспринимающий русское, как заморскую диковину и потому, может быть, чужеземцам кажущийся наиболее русским. Настоящий европеизм, конечно, больший, чем у Сурикова или Рябушкина. Элемент экзотизма, странный для настоящего русского художника, делает его более понятным и доступным для публики международной. Россия для иностранцев. И, вместе с тем, какая пламенная влюбленность, восторженное изучение, какое разнообразие, подлинность, какая тенденциозность в орнаментовке, какую сокровищницу, неведомую исконным русским людям, открывает этот "варяг".

В каждом сложном и не вчера образовавшемся народе можно найти связи с другими племенами и культурами древними или современными.

Рерих не пленился родством русского искусства с Италией, Византией, эллинистическим востоком, Индией. Скифами, польско-австрийским стилем ХУИИв., Голландией и немцами ХУИИ. Его непреодолимо влекла Скандинавия, седой север, финская мифология, "варяжество" первобытной Руси, которое он распространяет гораздо дальше его исторической растяжимости.

Причина, может быть, заключается в скандинавском происхождении самого Рериха.

В жизни художника едва ли можно считать случайностями биографические обстоятельства. Они неминуемо накладывают свой отпечаток, иногда еле сознаваемый самим художником, на его творчество. Воля его и индивидуальность только изменяют их. Не даром у Рериха происхождение скандинавское, не даром родина его русский север /Петроград, 1874 г./, не даром с детства привлекала его археология, история и первобытная культура.

Артистическая жизнь его началась очень рано /16 лет/ и протекла в общем довольно счастливо. Горькой сладости непризнания и периодов несправедливых и жестоких гонений он не испытал.

Начавшаяся в конце XIX века волна увлечения древнерусским искусством и изучения его в своем развитии совпала с выступлением Рериха. Началась она у В. и А. Васнецовых с налетом дилетантизма и сильных отзвуков Гюстава Дорэ у первого. Пленительно, но тоже не без дилетантизма, процвела в произведениях Нестерова. Коснулась слегка Головина, захлестнула с головой Стеллецкого, размельчилась у Билибина, запечатлелась даже у такого чисто бытового и исторического художника, как Рябушкин, наконец научно и крепко осела у Рериха с тем, чтобы дальше, у Гончаровой принять полуфутуристические формы. В группе этих художников центральную фигуру по определенности и устойчивости представляет Рерих. Следует прибавить, что группа, это не есть организованное или личной дружбой, или работой сплоченное общество. Я говорю лишь о течении, которое коснулось многих отдельных художников. В начале к нему же можно причислить художниц Яунчикову и Поленову, занимавшихся главным образом прикладным искусством. Нельзя забывать, что большая часть деятельности одного из главных художников современности, Петрова-Водкина и его школы, при разрешении своих задачий исходит также от элементов русской иконописи. В этом большом и значительном течении никак нельзя видеть только эстетический ретроспективизм. Скорее это стремление разрешить современнейшие проблемы искусства, пользуясь материалом наиболее чистым, наиболее элементарным и наглядным. Отбросив идеологические и метафизические предпосылки, конечно иконопись, как образчики приемов и пользования материалом представляет из себя такую сокровищницу, которой может позавидовать любая страна.

Аналогичное явление в русской музыке можно наблюдать в знаменитой "кучке" /Балакирев, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков/, это же направление во всеоружии современной техники поддерживает и Стравинский.

В литературе, не считая специальных исследователей /Афанасьев, Сахаров, Буслаев, и др./, чисто художественным представителем этого течения является А. М. Ремизов, тончайший знаток, мелочной исследователь и мудрейший отгадчик древних запечатленных тайн.

Быть может, личные, индивидуальные устремления у всех этих современных художников очень различны, но приемы пользования матерьялом и характер этого матерьяла однородны. И если мы назовем в различных областях искусства первоклассные имена Рериха, Ремизова и Стравинского, всем станет ясно, что речь идет о значительном и очень существенном течении. Кроме того, все скажут: "о, это настоящее русское, подлинное, исключительно русское искусство!"

Но, может быть, в глубине души прибавят: "русское искусство для иностранцев". Может быть, сама исключительность и побудит к этой добавке.

Издательство Всероссийского Комитета Помощи Инвалидам Войны при ВЦИК Советов. Москва, Ильинка, Козьмодемьяновский пер., 3. 1924.